

Н. И. МИХАЙЛОВА

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ А. С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

(читатель; Татьяна в кабинете Онегина)

Гм! гм! Читатель благородный...¹
Достопочтенный мой читатель! (VI, 82)
И вы, читатель благосклонный, (VI, 141) —

так Пушкин обращается к своему читателю в «Евгении Онегине». При этом слова «благородный», «достопочтенный», «благосклонный» не просто эпитеты. На наш взгляд, есть основания считать, что под ними стоит уходящая в глубь веков литературная традиция, которая через XVIII столетие пришла в пушкинское время.

Сочинитель посвящал свое творение венченосным и титулованным особам, то есть своим первым благородным читателям. В предуведомлении к сочинению автор обращался к почтенной публике, искал ее благосклонности. Часто предуведомление начиналось с обращения к благосклонному читателю, причем оба слова — и «благосклонный» и «читатель» — печатались с большой буквы. Можно привести множество тому примеров.

Раскроем некоторые книги из библиотеки Пушкина.

«Почтенный читатель» — так обращался к своему читателю И. Голиков в книге «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (ч. XI, М., 1789).

«Благосклонному читателю» был адресован «Домашний лечебник», сочиненный доктором медицины и коллежским советником Х. Пекеном и переведенный на русский язык императорской академии наук экстраординарным профессором и доктором медицины А. Протасовым (Спб., 1765).

«Его сиятельству государственному канцлеру графу

Николаю Петровичу Румянцеву, любителю и покровителю наук, милостивейшему государю усерднейшее приношение» — этим текстом открывался труд историка С. Калайдовича «Опыт о Посадниках Новгородских» (М., 1821).

«Его императорскому Величеству Императору Александру I, Самодержцу Всероссийскому с благоговением посвящает сочинитель» Г. Р. Державин свои сочинения (ч. II, Спб., 1808).

Пришедшие на страницы «Евгения Онегина» из давней литературной традиции условный благосклонный читатель и реальный читатель благородный и distinguished, были преобразены Пушкиным, включены в неожиданный для этой традиции, исполненный иронии и юмора бытовой контекст. Благородный и distinguished читатель стал неким собирательным лицом, своего рода обобщением высоких лиц, которым посвящались сочинения. При этом он был сначала низведен до бытовой беседы о родне, а затем иронически возведен на пьедестал собственных достоинств:

Гм! Гм! читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть угодно
Теперь узнать Вам от меня,
Что значит именно родные.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай бог им долги дни!

* * *

Кого ж любить? кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы на нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?

Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.

Заметим, что достоинства благородного и достопочтенного читателя представляются весьма сомнительными. Об этом может свидетельствовать словоупотребление Пушкина: эпитет «достопочтенный» лишь дважды встречается в его творчестве — один раз в приведенном нами стихе из «Евгения Онегина» и второй раз в сатире на графа М. С. Воронцова, где речь идет о «достопочтенном лорде Мидасе» «с душой посредственной и низкой» (III, 282)². Что же касается благосклонного читателя, то его условному лицу было придано некое подобие реальности: Пушкин наделил благосклонного читателя выписной коляской и пригласил из Петербурга в усадебный мир своего произведения.

Тонкий анализ диалога автора с читателем в «Евгении Онегине» дан в статье В. А. Грехнева³, потому нет необходимости специально на этом останавливаться. Заметим лишь, что современники Пушкина, знакомые с многочисленными обращениями авторов к почтенной публике, к благосклонному читателю, много раз читавшие разнообразные пышные посвящения благородным особам, в которых перечислялись их титулы, чины, ордена и прочие заслуги, по-видимому острее, чем наши современники воспринимали пушкинский текст, построенный на выявленной нами остроумной игре с литературной традицией.

* * *

В седьмой главе романа Пушкин описывает посещение Татьяной кабинета Онегина.

Небезынтересно сопоставить указанный отрывок из «Евгения Онегина» с элегией французского поэта Шарля Юбера Мильвуа (1782—1816) «Оставленное жилище»⁴, которая, насколько нам известно, не привлекала

до сих пор внимания комментаторов пушкинского романа.

Прежде всего приведем построчный перевод этой элегии Мильвуа:

Она ушла! увы! быть может без возврата!

Она ушла, и моя любовь

Напрасно зовет ее назад!

Места, которые она украшала собой,

Я хочу видеть вас!

Я сяду на ее место

И буду говорить с ней, отсутствующей.

Итак, я возвращаюсь в ее жилище,

Таинственный ключ поворачивается в моей руке,

Я открываю. . . ее больше нет я останавливаюсь,

я слушаю..

Все мирно под сводами

Этого покинутого жилища.

Я окружен тем, что она любила.

Стрелки часов, чьи шаги уже не слышны,

Позволяют в молчанье утекать часам,

Которые сокращают мои дни

Чуть дальше, в темном углу — одинокая арфа,

Теперь уже молчаливая, покрыта вуалью.

Спящая, она больше не повторяет песен любви.

Под ее легким покрывалом кружатся в робком

полете мечты,

Сумеречные воспоминания, скрашивающие до утра

Мирный сон, который делал ее еще более прекрасной.

На диване золотая звезда,

Рожденная роскошью Азии.

Кажется, она еще вдыхает в себя чистую

амброзию

С ее волос

Я вижу подсвечник, который бодрствовал рядом

с ней

В тот миг, когда ее бесценная рука

Начертала на последней записке

Слова: «Это на всю жизнь...»

Дивные слова! О! неужто вас сотрут?

Неужто не останется в моей увядшей душе

Ничего, кроме горестных сомнений о прошедших

наслаждениях.

(перевод А. Я. Невского)

На наш взгляд, можно говорить о переключке текстов Мильвуа и Пушкина. И французский и русский поэты описывают покинутый кабинет, показывают его глазами влюбленного человека, который с сердечной тоской пристально всматривается в вещи, напоминающие об ушедшем хозяине. Пушкин берет у Мильвуа тему, восходящую в свою очередь к элегии Парни «Уборная любви», но варьирует ее сюжетное и образное решение. Не герой, а героиня в «Евгении Онегине» приходит в жилище, покинутое ее возлюбленным. Так же, как у Мильвуа, у Пушкина особую роль играет художественная деталь:

И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канapé лежал
Манежный хлыстик. Таня дале.

* * *

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на все глядит,
И все ей кажется бесценным,
Все душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой, с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

(VI, 146—147)

В приведенных стихах Пушкина, как и у Мильвуа, — высокое поэтическое настроение элегической грусти, которое окрашивает перечисленные подробности убранства онегинского кабинета. Вместе с тем, художественная деталь имеет не только эмоциональное, но и характери-

стическое значение — здесь важен и портрет Байрона, и статуэтка Наполеона, и груды книг, которые будет читать в кабинете Онегина Татьяна и к которым еще вернется Пушкин.

Примечательно и то, что элегическая тема решается Пушкиным в контексте бытового материала, реалий русской усадьбы: здесь и собаки, испугавшие Татьяну, и дворовые мальчишки, и ключница отнюдь не с таинственным ключом, как у Мильвуа, а с самым что ни на есть реальным ключом от сеней. Заметим, что рассказ ключницы — своего рода бытовая параллель и к поэтическому восприятию Татьяны, и к элегии Мильвуа:

Старушка ей: «а вот камин;
Здесь барин сиживал один.

XVIII

Здесь с ним обедал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофею кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку по утру читал...
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки.
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой!» (VI, 146)

Пушкин как бы демонстрирует два варианта раскрытия одной поэтической темы, гармонически соединяя их в своем произведении.

Пушкин мог познакомиться с элегией Мильвуа как во французском оригинале, так и в русском вольном переводе И. П. Бороздны, который был выполнен в 1822 г. и увидел свет в 1826 г. («Новости литературы», 1826, кн. XV), т. е. перед тем, как Пушкин начал работать над седьмой главой «Евгения Онегина». Любопытно обратить внимание на такую подробность в описа-

нии сумеречного пейзажа, которая восходит в переводе И. П. Бороздны к первой редакции элегии Мильвуа и перекликается с пушкинским описанием пейзажа:

И спят окрестности средь тишины ночныя!
Лишь стрекоза под муравой жужжит,
И возлетя порой на сосны вековые,
Пустынная сова песнь полночи гласит⁵.

У Пушкина:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал. (VI, 144)

Интерес Пушкина к Мильвуа давно уже отмечен исследователями⁶. Отмечено и присутствие Мильвуа — автора знаменитой элегии «Падение листьев» в творческом сознании Пушкина — автора «Евгения Онегина»: цитата из «Падения листьев» — «Весны моей златые дни» — включена в предсмертную элегию Ленского; отзвуки «Падения листьев» несомненно есть и в описании забытой могилы «младого певца». Думается, что приведенные выше наблюдения позволяют говорить о том, что не только шедевр Мильвуа «Падение листьев», но и его элегия «Оставленное жилище» дают о себе знать в «Евгении Онегине». Любопытно, что в самом начале работы над «Евгением Онегиным», в черновике того самого письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г., где Пушкин сообщал о том, что он пишет «не роман, а роман в стихах (дьявольская разница)», Пушкин дал свою оценку Мильвуа: («Millevoye ни то, ни се, но хорош только в мелочах элегических» (X, 651). Почти четыре года спустя, в 1827 г., работая над седьмой главой «Евгения Онегина», над сценой посещения Татьяной онегинского кабинета, Пушкин творчески использовал элегические мелочи Мильвуа, дав им новую жизнь в своем поэтическом слове.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 17 т. — М.; Л., 1937. — Т. VI. — С. 81. В последующем тексты Пушкина цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома — римской, страницы — арабской цифрами.

² См.: Словарь языка Пушкина. — М., 1956. — Т. 1. — С. 701.

³ См.: Грехнев В. А. Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин»//Пушкин. Исследования и материалы. Вып. IX.— Л., 1979.

⁴ Впервые «Оставленное жилище» было напечатано в сборнике элегий Мильвуа, вышедших в Париже в 1812 г. Во второй редакции это стихотворение было включено в сборник элегий Мильвуа 1815 г. и затем перепечатано в двухтомнике элегий Мильвуа, который вышел в свет в Париже в 1822 г. (двухтомник был в библиотеке Пушкина).

⁵ Новости литературы. 1826, кн. XV, с. 147.

⁶ См.: Клебанская Е. Пушкин и Мильвуа. Русская старина, 1902.— Т. СХII; Савченко С. Элегия Ленского и французская элегия//Пушкин в мировой литературе.— Л., 1926; Томашевский Б. В. Пушкин — читатель французских поэтов//Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова.— М., 1923; Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века//Взаимосвязи русской и зарубежной литературы.— Л., 1983; Вацуро В. Э. Французская элегия конца XVIII—первой четверти XIX века//Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры.— М., 1989.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей

Псков 1994